

Неважно, кто это сказал, он все равно не мог быть Папой Котика.

Просто потому, что его голос звучал совсем по-другому...

Когда Ци Цзин понял, что крикнул в момент отчаяния, дыхание у него остановилось, и его первой реакцией стало прикрыть рот рукой.

Он рефлекторно вскочил на ноги, но движение было слишком резким, и он ударился коленом об стол. Этот звук, скорей всего, тоже прошел через микрофон, потому что Ян Чуньюй снова воскликнула от удивления. Боль мгновенно вернула Ци Цзину часть его рассудка, так что он опустил руку и быстро нажал кнопку, чтобы отключить оборудование.

Но, к сожалению, то, что сделано, невозможно было отменить - отключением микрофона нельзя было стереть сказанные им слова. В конце концов, его слышала не только ведущая, но и десять тысяч слушателей.

Слушатель 1: ...Черт, кто был этот парень? Я может и не слишком хорошо знаком с настоящим голосом Папы Котика, но! Это! Точно! НЕ ОН! Кстати, я думаю, что слышал как он обо что-то ударился... Друг мой, с вами все в порядке?

Слушатель 2: Э(Д) Это меня напугало, этот голос явно отличается от прежнего голоса Папы котика. Ктоето?! Кто?

Слушатель 3: Э(Д) Надо сказать, что этот голос очень приятен на слух Такой ясный и отчетливый

Слушатель 4: Может ли это быть...

Слушатель 5: Может быть, он - член семьи?? Аууууу - !!! Я знаю, что это правильный и достойный конкурс актеров озвучания, но не могу сдержаться, мои мысли как с цепи сорвались!!! Умоляю, скажите правду, прошу, дайте разъяснения!!! °.°(((р(□□)q)))°.

Слушатель 6: ... Кстати... хотя он говорил быстро, и я его четко не расслышала... Я все равно уверена, что где-то слышала этот голос. Звучит так знакомо! Но прямо сейчас я не могу вспомнить, где я его слышала... [царапает стены]

Я умоляю вас всех - не вспоминайте...

Ци Цзин прижимал руку к безумно колотящемуся и дрожащему в панике сердцу, даже не осмеливаясь перевести дух, в то время как его глаза не отрывались от все появляющихся и появляющихся предположений в чате для публики.

Что же делать?

Что же делать?

Его голос был очень узнаваемым – а значит, несмотря на то, что он говорил быстро, и слушатели не смогли опознать его в данный момент, потом, после того как некоторые из поклонников множество раз прослушают запись, его непременно узнают. Так что же ему делать сейчас?

В этот момент дверь в кабинет внезапно открылась, и внутрь ворвался задыхающийся Шень Янь.

Он часто дышал, он даже не успел снять обувь и пальто и все еще держал в руке ключи от входной двери – они звенели при каждом его торопливом шаге. Так как он бежал всю дорогу до дома, было трудно сказать, из-за чего у него покраснело лицо – от бега или от холодного ветра. На его усталом лице все еще были видны следы от высохшего пота, но во взгляде светилась сила.

Ци Цзин, увидев его, должен был быть вне себя от радости, но в тот момент он не мог изобразить даже хоть какое-то подобие улыбки и только стоял как статуя с побледневшим лицом.

- Прости меня...

- Прости меня...

Они оба заговорили одновременно и одновременно замолкли. Но оба они знали, за что извиняется другой.

- Мне очень жаль... Шень Янь, мне так жаль... Я только что крикнул второпях... – голос Ци Цзина дрожал, когда он указал на микрофон.

- Не паникуй, – Шень Янь постарался успокоить свое учащенное дыхание, бросил вещи, которые держал в руках, и, схватив Ци Цзина за плечи, похлопал по ним, будто пытаясь помочь тому подавить страх. На самом деле он услышал крик Ци Цзина, как только открыл дверь. Собрав воедино все, что было сказано, Шень Янь смог более-менее догадаться, что произошло, поэтому тихо произнес:

- Это моя вина, я вернулся поздно... Не переживай, мне уже повезло, что я успел вовремя.

Насчет этого Шень Янь не ошибался; им следовало двигаться вперед шаг за шагом. Ци Цзин закрыл глаза и молча смирился с этой судьбой, позволив Шень Яню снять с него наушники, чтобы тот мог надеть их сам.

На голосовом канале Ян Чуньюй явно все еще не понимала, что происходит. Она видела, как огонек у ника ПапаКотика снова погас. Она пыталась позвать его пару раз, но безуспешно. А еще казалось, что все слушатели сговорились утопить ее в мольбах «подождите еще немного», поэтому у нее не осталось другого выбора – пришлось дать еще чуть-чуть времени.

В этот момент у того самого ника загорелся свет, и немного охрипший, но все еще знакомый глубокий и спокойный голос произнес:

- Простите, ведущая... Теперь все в порядке.

Как только он заговорил, чат сразу же наполнился приветствиями.

Слушатель 1: ▽▽Господи благослови!! На этот раз реальный Папа Котика!! ▽Его настоящий голос так приятен для ушей ▽ω▽

Слушатель 2: ▽▽Йохууу!!! Я так возбуждена!! Ты уже починил свое оборудование?? Все это ожидание было не зря, оно того стоило – не ложиться спать вечером!

Слушатель 3: ▽▽Напугал меня до смерти, я уж думала, что не смогу тебя послушать~

Слушатель 4: Папа Котика, умоляю все разъяснить! Кто этот парень, который только что говорил! Если я не услышу ответа, я же сегодня ночью не усну, правда-правда! [катается по полу]

Слушатель 5: Умоляю все разъяснить, я же сегодня не усну! +1

Слушатель 6: Умоляю все разъяснить, я же сегодня не усну! +2

...

Ян Чуньюй была ошеломлена этой сценой, но до нее наконец-то дошло, что этот участник был настоящим, законным Папой Котика, который боролся за роль [Старого Сяо Шаня], и торопливо сказала:

- Ах, похоже, что на этот раз это действительно участник номер тридцать. Вы устранили

проблемы с оборудованием?

- Да, извиняюсь за затруднения, - отвечая ей, Шень Янь второпях снял пальто и чуть расстегнул ворот рубашки, чтобы постепенно успокоить дыхание. Все это время его взгляд был прикован к Ци Цзину, который забрал его пальто. На мгновение он поколебался, а потом решил объяснить ситуацию:

- Человек, который только что говорил... он - мой сосед по квартире. Мое оборудование внезапно вышло из строя, в результате я попал в затруднительное положение. Он подошел, чтобы помочь мне его отрегулировать, и по небрежности заговорил. Ведущая, простите нас, пожалуйста, за это неприятное происшествие.

- О, так вот что это было, - Ян Чуньюй усмехнулась, наконец-то разобравшись в ситуации. - Здорово, что вам удалось его починить в последний момент.

- Угу.

Было уже 22:30, так что назвать Ци Цзина другом было бы не очень правдоподобно. Но, когда Шень Янь взглянул на Ци Цзина, тот прижал палец к губам, подавая знак не говорить правду, - вот почему он выбрал «соседа по квартире» как самое разумное объяснение, которое не раскрыло бы истинную природу их отношений.

Однако воображение слушателей было гораздо шире, чем могла предположить Ян Чуньюй. Более того, оно начало двигаться во все более неоднозначном направлении.

Слушатель 1: ... Сосед по квартире... = =

Слушатель 2: ... Сосед по квартире... Это, должно быть, оправдание. = =□Кстати говоря, я тоже думаю, что где-то я вроде слышала голос этого соседа по квартире□

Слушатель 3: Сосед по квартире или кто там, главное - то, что они вместе живут!!! Ахахаха, два парня, живущие под одной крышей, - это реально сведет с ума мое воображение!!! (/□▽□/)

Слушатель 4: У этого соседа по квартире довольно приятный голос, могу я попросить Папу Котика и соседа выйти на один раунд?

Слушатель 5: Пфф, что предыдущий комментатор имеет в виду, говоря «выйти на один раунд», что значит «выйти», и что за «раунд» вы имели в виду~ О, черт, я действительно засмузилась~ □Ложь! Вы явно так счастливы, что можете лечь и умереть□

Слушатель 6: Пфф, я подхватываю тренд и попрошу Папу Котика и соседа по квартире выйти на один раунд, все равно, как вы это будете интерпретировать, приветствую любой вариант = = +

Ситуация все больше и больше выходила из берегов.

Ян Чуньюй прочистила горло и напомнила всем, что соревнование всё еще продолжается:

- Дорогие слушатели, теперь мы попросим конкурсанта номер тридцать начать финальную подготовку. Как обычно - до того, как мы начнем, - у вас есть, что нам сказать, номер тридцать?

Прослушивание Шень Янь пошло своим чередом, поэтому Ци Цзину не нужно было больше тут оставаться. Подумав об этом, Ци Цзин шагнул, собираясь уйти из комнаты, чтобы не повлиять на выступление. Но в этот момент Шень Янь внезапно схватил его за руку. Шень Янь не прикладывал большой силы, однако держал его крепко.

Ци Цзин в растерянности опустил голову и встретился глазами со спокойным взглядом Шень Янь.

Глубокий черный цвет этих глаз походил на силу, с которой Ци Цзина держали за руку - спокойную, но в то же время решительную... Любой человек желал бы остаться укутанным ей.

Подожди.

Сказал ему одними губами Шень Янь.

Некоторое время Ци Цзин не реагировал, а потом слегка кивнул. Но Шень Янь не отпустил его, а продолжил по-прежнему, вот так, держать Ци Цзина за руку.

Слушатели в чате продолжали волноваться. Этот ПапаКотика произвел на всех весьма глубокое впечатление своим вступительным заявлением на предыдущем прослушивании, а потом получил дополнительный комментарий от Пу Юйчжи и еще - многочисленную поддержку со стороны публики.

В то время могли говорить только судьи, поэтому участники не имели права включать свои микрофоны, чтобы им ответить. Вот почему всем было любопытно, поменялось ли у него отношение.

На этот раз Шень Янь посмотрел на экран, на комментарии, которые люди отправляли ему в чате. Это походило на то, будто бы он глядел на публику, которая улыбалась ему из партера, и

открывшийся вид больше не заслоняли сверкающие огни рампы. Он глубоко вздохнул и медленно произнес:

- Во-первых... Я бы хотел поблагодарить учителя Пу за комментарий и совет, которые она дала мне в прошлый раз. Она коснулась многих вещей, и это мне очень помогло. Это позволило мне... пересмотреть свое отношение к озвучанию, а также ко всему, чего я не замечал раньше. Спасибо.

Пока он это говорил, его пальцы не переставали двигаться. Он все время гладил большим пальцем тыльную сторону ладони Ци Цзина.

Ци Цзин беззвучно усмехнулся и сам обхватил руку Шень Яня, нежно сжимая ее, как будто бы так поддерживал его слова.

- Затем я хотел бы поблагодарить слушателей, которые выражали мне свою поддержку, - микрофон улавливал мягкий голос Шень Яня; для Ци Цзина его голос был подобен огромному морю - неизменному и спокойному, но на этот раз не темному, как в глубине ночи, но теплому, как море под солнечным светом во время отлива.

- Раньше я никогда не смотрел на экран. Я не осмеливался это делать. Но только когда я внимательно посмотрел на него потом, я понял, что... На самом деле так много людей слушают меня, поддерживают меня. Я... я очень всем вам благодарен, - тихо сказал он. - Я надеюсь, что и сегодня смогу показать вам приемлемую игру.

Когда Шень Янь это сказал, экран уже был заполнен бесчисленным множеством красных цветов.

Слушатель 1: □'□□□ Опрокидываю стол! Что это ты имеешь в виду под «приемлемой игрой», а?! Это безусловно будет выступление, достойное самой высокой оценки!

Слушатель 2: □'□□□ Точно! Папа Котика, больше верь в себя!

Слушатель 3: □▽□ Он даже говорит такие вещи, как «не смею смотреть на экран»... Вот дерьмо, я почувствовала, как мое сердце сжалось прямо сейчас!! Моя материнская (?) любовь вышла из берегов!!!

Слушатель 4: □▽□ Каждое твое вступительное слово вынуждает меня рыдать, что ж это такое... Папа Котика, ты должен мне салфетки!!

Слушатель 5: Вынуждает меня рыдать +1, но я все еще должна напомнить, что в этот раз он играет [Бай Ке]!!! Этого убер-мерзавца [Бай Ке]!!! Что, если он, такой сейчас правильный, не

сможет потом изобразить негодяя?! □Кажется, я не могу сосредоточиться□

Слушатель 6: Комментатор выше правильно говорит... Папа Котика, почему ты выбрал эту роль?! Какая трата твоих возможностей! [возмущенно царапает стены]

Такой всеобщей реакции следовало ожидать – точнее, она стала еще более теплой, чем можно было предположить.

Ци Цзин улыбнулся.

Реакция Шень Яня сильно поменялась с тех пор, как он выходил в эфир в последний раз, и Ци Цзин полагал, что слушатели смогут понять это по его тону. Неважно, чем закончится этот конкурс, растратил ли Шень Янь напрасно свою квоту на роли или нет – это не имело никакого значения; Ци Цзин уже стал свидетелем того, как он сделал шаг вперед.

Так что теперь Ци Цзин мог уйти с легким сердцем, вернуться в свою комнату и послушать Шень Яня на своем собственном компьютере. Ну а что до того, разоблачат их или нет – об этом он не хотел сейчас думать. Они подумают об этом позже, после соревнований.

Но как только он двинулся, чтобы уйти, Шень Янь не только не отпустил его, но и сжал ему руку еще сильнее.

Ци Цзин был совершенно сбит с толку.

- И наконец, я хочу рассказать о том, почему я выбрал эту роль, – в прошлом туре Шень Янь сказал о причинах, побудивших его взяться за предыдущего персонажа, и этот раз не стал исключением. – Я выбрал сыграть [Бай Ке] на самом деле в основном из-за его отношений с [Фан Ишэном] ...

Пока он это говорил, чат заполнился всеми сортами «А», выражавшими изумление слушателей. Очевидно, они не могли понять логику этого выбора.

Но Шень Янь продолжил:

- Рядом со мной – человек, которого я считаю своим благодетелем. Не то, чтобы он спас мне жизнь, как это было в случае с [Бай Ке] и [Фан Ишэном], но он дал мне так много... Не в материальном смысле... Но для меня это на самом деле драгоценный дар...

В этот момент Шень Янь вдруг потянул Ци Цзина за руку, прижав ее к своей груди, а потом наклонил голову и с нежностью поцеловал его пальцы.

Ци Цзин вздрогнул. Эти губы словно зажгли огонек, прокравшийся от места поцелуя до щек и тут же вспыхнувший на них пожаром.

Правда...

Его сердце было настолько не готово к такому...

Когда поцелуй закончился, Шень Янь повернулся, взглянул на него, засмеялся, прижав его руку прямо к сердцу, а затем продолжил:

- Вот почему я хотел озвучить этого персонажа - чтобы напомнить самому себе, что нельзя становиться кем-то похожим на [Бай Ке]. Вот и все. Спасибо.

Хотя только Ци Цзин мог по-настоящему понять эти слова, нельзя было недооценивать способности аудитории связывать разрозненные факты.

В чате для публики уже царил ажиотаж.

Слушатель 1: о(*///▽///*)о Айойойойой~~~

Слушатель 2: о(*///▽///*)о Что же это такое??? Значит ли это, что у Папы Котика ИРЛ есть благодетель, похожий на [Фан Ишэна]? □Ой, я просто не в силах остановить мое воображение, скачущее во всех направлениях, да? □

Слушатель 3: о(*///▽///*)о Это такая восхитительная причина! Я это пишу и чувствую, будто оригинальный сюжет внезапно превратился ангстовую драму любви-ненависти! «Я не могу получить тебя, поэтому я тебя убью» - типа такая история, я права?!

Слушатель 4: □/////□/////□Значит, это можно так истолковать... Вот дерьмо, раз уж я приняла этот сеттинг...

Слушатель 5: Папа Котика, это правда все, что ты хочешь сказать?! Да как такое возможно!!! Быстро, скажи мне, тот [Фан Ишэн] ИРЛ, о котором ты говорил, - твой сосед по квартире или нет?! □На этот раз я точно ночью не усну, окей? □

Слушатель 6: На этот раз я точно ночью не усну +10086 Это сосед-по-квартире-кун? Если это правда сосед-кун, то для меня вот-вот откроется дверь в новый мир... Я знаю, что в оригинальном сюжете есть главная героиня, но... Думаю, что там есть место для слеша между [Бай Ке] и [Фан Ишэном], вам не кажется?

- Кхм... Тогда, участник номер тридцать, я сейчас отключу свой микрофон, - было ясно, что Ян Чуньцзюй знала, в какую сторону понеслись слушательницы в чате, но, чтобы оставить время для финального комментария судей, она положила конец коллективному загниванию мозгов.

Глядя на мерцание аватара Ян Чуньцзюй, Ци Цзин понял, что настало время ему уйти по-настоящему.

Его щеки все еще горели, когда он осторожно высвободил руку из хватки Шень Яня и легонько похлопал того по плечу. Затем он тихо покинул кабинет и быстро направился в спальню, чтобы надеть наушники.

К тому времени, как Ци Цзин их надел, таймер микрофона, стоящего первым в очереди, уже начал обратный отсчет 120 секунд.

Он хотел успеть как можно быстрее и практически бежал до спальни, но даже не пытался отдышаться, а напротив, сдерживал дыхание, чтобы сосредоточиться только на том, чтобы слушать.

Но все же, как ни странно, хотя на таймере прошло три секунды, из наушников по-прежнему не доносилось ни звука. В конце концов Ци Цзин не смог больше сдерживаться и несколько раз вздохнул - и только тогда он обнаружил слабый звук затрудненного человеческого дыхания, шедший из наушников. Но, в сравнении с его собственным, это дыхание было еще более натужным и учащенным, как будто бы оно шло из самой глубины груди дышащего человека.

Приглушенные вздохи слышались один за другим. Казалось, что у него что-то забивало горло, дыхание звучало мутно. Будто...

Он находился под дождем.

Внезапно Ци Цзин почувствовал, как по его телу пробежал холодок. Будто бы он стоял под хлещущим дождем, точно так же как в сцене, которую видел перед своими глазами. Верно - это происходило в разгар бушующего ливня. Даже если не читать роман, реплики второго акта уже давали подсказку для участников и зрителей.

Более того, в этот момент [Бай Ке] должен был упасть в лужу крови.

Его лицо было измазано в грязи, шел сильный дождь; в большинстве случаев у человека, который лежит вот так, будут проблемы с дыханием, будь то из-за проливного дождя или лужи на земле.

А затем в ушах Ци Цзина прозвучал голос, который был не похож ни на один из тех, что он

слышал раньше.

Не то, чтобы он не слышал этого голоса самого по себе – на самом деле в нем почти никаких изменений и не было. Просто он был на тон выше, чуть ярче, чем естественный голос Шень Яня.

А вот чего он раньше не слышал – это темперамента, скрывавшегося в этом голосе.

Сам Шень Янь был подобен ножнам, а главное качество ножен – их тупость, они не причиняют никакого вреда, если их коснуться; они прочные и долговечные.

Но теперь он стал подобен лезвию, скрывавшемуся в ножнах, его острота была губительной...

- Я не хочу умирать...

Когда он произнес первую реплику, влажное дыхание внезапно стало еще более интенсивным, более стесненным, до такой степени, что с каждым вздохом слышался всхлип – отчего повторяющаяся фраза, которую он произносил, зазвучала еще сильнее...

- Я не хочу умирать... – стиснув зубы, он плакал, так и не смиряясь. – Не хочу умирать... Не хочу умирать...

Это была та же самая реплика, которую Ци Цзин слышал уже двадцать девять раз, но тридцатый превзошел все, что он мог себе представить.

На этом месте подавляющее большинство участников говорили бессвязно и использовали слабый тон, играя в соответствии с подсказкой «на грани смерти» в описании, которую дали официальные организаторы соревнований. Обычно это приводило к слепому копированию действий человека на последнем издыхании.

Сама по себе эта часть неправильной не была.

Если эту сцену выдрать из истории вне какого-либо контекста, никто бы не нашел ее неадекватной.

Ци Цзин вдруг вспомнил описание этого эпизода в оригинальном романе «Приказ покончить с небесами». [Бай Ке] оказался в таком состоянии и ждал смерти потому, что попал в засаду императорских дворцовых войск. А засаду на него организовали потому, что он был «Старшим соучеником предателя [Цинь То]». Офицер, следивший за ним, ясно дал это понять.

Самооценка [Бай Ке] всегда была низкой из-за его происхождения, он завидовал своему Младшему, положение семьи которого было на несколько порядков лучше, чем у него самого,

но теперь он должен быть умереть в какой-то богом забытой глуши именно из-за своих отношений с тем же Младшим.

Как он мог не чувствовать обиды?

Как он мог не ненавидеть?

Так что, конечно же... На пороге смерти в его сердце прежде всего возникло одно желание - не умирать, жить дальше и отомстить своему Младшему.

Ци Цзин почувствовал, как ему в грудь ударило что-то твердое, и по телу пробежала дрожь.

Это не было озвучанием изолированной сцены.

Это озвучание отсылало к различным частям истории и охватывало весь сюжет.

Постепенно дыхание, которое вызывало мысли о загнанном в ловушку звере, приближавшемся к своему концу, истощалось и медленно увядало. После приступа мучительного кашля этот человек вдруг тихонько всхлипнул:

- Ах...

Как будто момент непреодолимой ярости прошел - человек, вероятно, осознал, что действительно умрет, и растерял всю свою волю.

В такие моменты, как правило, каждый обретает каплю покоя.

Тот, о ком он подумал, был не Младшим, а дорогим учителем, который был ему ближе всех и которому он больше всех доверял, учителем, который в одиночку вырастил его, но даже не знал, что он вот-вот умрет под проливным дождем.

- Я не хочу умирать...

Он все еще хотел еще раз увидеть своего учителя.

Он все еще не смирился, но на этот раз звучал более отчаянно и печально:

- Я не хочу умирать... Не хочу...

Ци Цзин не осознавал, что в этот момент он перестал дышать, полностью сосредоточившись на

голосе.

Увидев такой переход от ярости к печали, каждый, без сомнения, почувствует любопытство по отношению к этому человеку.

Никто не сможет устоять перед желанием спасти его, чтобы понять, почему он так отчаянно цепляется за свою жизнь.

С этой мыслью нужные реплики сами собой слетели с губ Ци Цзина:

- Не хочешь умирать? - Интересно... Но почему именно? - За что ты еще цепляешься?

<http://bllate.org/book/13906/1225610>